

УДК930.2"1942/1944"

doi: 10.17072/2219-3111-2016-3-117-128

ОБРАЗЫ ВОЙНЫ ПО ДНЕВНИКАМ А.И. ДМИТРИЕВА 1942–1944 ГОДОВ

А.Н. Кабацков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 614046, Пермь, ул. Студенческая, 38
afsnik@gmail.com

На основе военных дневников рабочего авиамоторного завода г. Молотова А. Дмитриева доказывается, что властный дискурс войны-катастрофы, определивший чрезвычайный порядок жизни, был приватизирован рабочими, подчинен индивидуализированной стратегии выживания. Приспособление к военному времени сопровождалось нарушением установленных правил и норм. Введение категории «приватная война» позволяет зафиксировать различие действия правил и норм военного времени в официальной и партикулярной сферах.

Ключевые слова: Эго-документы, идеология и сталинизм, советская социализация, война в тылу, рабочие, «приватная война», социальные девиации, завод, городская культура.

«Ходил смотреть к/картину "Свинарка и пастух" в к/театр "Отдых". В саду много гуляющих, но я сразу же ушел домой. Дни наступили теплые. В кино ходил уже в одном костюме», – записал в дневнике Александр Дмитриев (ПермГАНИ. Дневник №3. Запись от 26 мая 1942 г.). На первый взгляд перед нами типичная картина отдыха горожанина, который после трудовых будней надел костюм для «выхода в люди» и достойно провел свободное время. Нетипична лишь датировка события – 26 мая 1942 г., что побуждает переоценить ситуацию. В условиях тяжелой войны будничное развлечение выглядит необычным случаем, заставляющим взглянуть в контексты «восприятия войны» на основе личных документов.

Ценность личных документов для исторической реконструкции советского прошлого точно определила Н. Козлова: «Читая человеческие документы советской эпохи, я не только окуналась в пыльные бумаги, эти клочки пены дней. Я понимала не только своих родителей и себя, но и свое общество» [Козлова, 2005, с.13].

Дневники, личные документы требуют особого подхода как исторический источник. При обращении к материалам, не испытавшим непосредственного воздействия бюрократических инстанций, возникает вопрос о технологии корректного распознавания и интерпретации исторической информации. Взаимодействуя с личным документом, историк погружается в особую систему коммуникаций, выстроенную автором. Иногда есть возможность реконструировать элементы этой системы, иногда для понимания приходится прибегать к сложным исследовательским процедурам. Хорошо, когда документ можно поместить в череду подобных документов, а автор его занимал высокие социальные позиции. Тогда можно согласовать типичность и уникальность в документе, как это сделал А. Тесля. «Александр Иванович Савин (1873–1923) – видный русский историк, специалист по тюдоровской Англии, ученик П.Н. Виноградова <...> Изданных профессорских дневников, мемуаров и некрологов, освещающих данный период, немало. Так, сравнительно недавно вышли в свет дневники коллеги А.Н. Савина по историко-филологическому факультету М.М. Богословского, а дневник Ю.В. Готье подхватывает записи Савина там, где они обрываются. <...> Дневник Савина, однако, и в череду профессорских дневников – редкое явление, поскольку сфокусирован практически лишь на университетских делах» [Тесля, 2016, с.234].

Наличие однородных документов позволяет сопоставить информацию из нескольких источников, более-менее целостно представить реальность прошлого в ее культурном, политическом или социальном контексте. Но даже обилие исторического материала не снимает вопроса о научной репрезентативности личных записей.

И. Каспэ отмечала, что рассмотрение исторического документа как простого «информационного канала» будет ошибочной стратегией. Скорее личные документы

предоставляют возможность познакомиться со способами конструирования «социального "я", социальных связей, социальной общности, социальной реальности», и их следует воспринимать в коммуникативном контексте «согласования образов реальности, сверки коллективных представлений о реальном» [Каспэ, 2016, с.6–7]. Дискуссия об историческом статусе личных свидетельств прошлого пока не завершена. Возможно, результатом этой дискуссии станет институализация в России нового направления исторических исследований, основанного на «эго-документах». По мнению автора, вопрос о репрезентативности исторической информации в личных документах может быть отнесен скорее к исследователю, выбирающему методологию работы с материалом.

При работе с историческими материалами, имеющими явно рефлексивный характер, Н. Суржикова предложила обратиться к социологической концепции идентичности: «Эго-источники ... экспонируют и мир отдельной личности (Я), и ее социально обусловленные "параметры" (МБ), позволяя тем самым изучать типы кристаллизации самых разных социальных "пород" – от уникальных до статистических» [Суржикова, 2014, с 6–13]. При всей привлекательности теории идентичности ее перенос на поле исторической науки требует особых процедур адаптации. О. Лейбович же посчитал целесообразным согласовывать индивидуализированный взгляд на социальный мир и общесоциальные процессы перемен в рамках феноменологической традиции изучения повседневности [Лейбович, 2009]. Согласовать индивидуализированное восприятие и масштабные процессы социальных изменений позволяет метод К. Гинзбурга, получивший признание как «уликовая парадигма» [Гинзбург, 2003].

Использование уликовой парадигмы при исследовании прошлого дает возможность обращать внимание не только на типичное, нормативное, но и на уникальное. В таком случае дневник, как индивидуальное и неповторимое явление, превращается в улику, с которой работает историк. Эту улику следует подвергнуть детальному анализу, выявляя в ней приметы эпохи, следы коллективной социальной жизни, которая не является суммой индивидуальных случаев, но влияет на индивидуальный случай, его содержание, наделяя его смыслом или придавая ему ценностную окраску.

Восприятие войны 1941–1945 гг. придает особую ценность эго-документам. О. Будницкий отмечал, что «без свидетельств участников, которые видели все своими глазами, участвовали во всем, мы никогда не прорвемся к пониманию того, что на самом деле была война» [Будницкий, 2015]. Дневник А. Дмитриева выступает ценным документальным свидетельством реальности военного времени, так как позволяет взглянуть на войну глазами рабочих, тех, кто обеспечивал фронт оружием и боеприпасами. В настоящий момент можно говорить о недостатке подобных исторических материалов, так как даже организаторы грандиозного проекта «Прожито», аккумулировавшие в своем интернет-ресурсе «более 45 тысяч записей» [Кизиров, 2015], не смогли найти других столь подробных дневников о «повседневной войне» в тылу (Прожито...).

Следует отметить, что «дневники рабочих» сталинской эпохи как уникальный исторический источник получили широкую известность благодаря работам Й. Хелльбека. На основании материала нескольких дневников он сделал концептуальные обобщения об эффективности советской «машины пропаганды» и соучастия советских людей в строительстве большевизма. Особое внимание Й. Хелльбек обратил на дневники 1930-х гг. Степана Подлубного, сына раскулаченного крестьянина, убежавшего в столицу и там освоившего рабочие профессии. Подчеркивая роль идеологического воздействия власти на социальную рефлексию своего героя, Й. Хелльбек отмечал: «В 1930-е годы личный проект Подлубного, имевший своей целью интеграцию в общество, получил парадоксальное развитие. Степан так хорошо освоил лексикон преданного и политически сознательного советского рабочего, что на него обратило внимание ГПУ. Сотрудники органов предложили ему стать информатором, задача которого состояла в выявлении “волков в овечьей шкуре”, тайных врагов советского общества. Случайное сближение с ГПУ, воплощавшим в себе принцип классовой чистоты в большей степени, чем любая другая организация, стало для Подлубного постоянным напоминанием о его собственном “нечистом” происхождении» [Хелльбек, 2010].

С. Быкова изучала записи другого очевидца сталинской коллективизации и индустриализации – Андрея Аржиловского, счетовода тюменской сельхозартели, арестованного НКВД в 1937 г. По сравнению со Степаном Подлубным А. Аржиловский пишет иным языком,

решает другие задачи и негативно воспринимает социалистическую систему хозяйствования: «...Негативное отношение к реальности формировалось практически каждой минутой существования. Бытовые условия, здоровье, ослабленное пребыванием в лагере, и напряженность профессиональной деятельности превратили жизнь в борьбу за выживание. Невероятно трудными являлись попытки А. Аржиловского обеспечить семью самым необходимым – даже хлеб можно было купить, только отстояв несколько часов в очереди» [Быкова, 2014, с. 125].

Хранящиеся в Пермском государственном архиве новейшей истории «Дневники А.И. Дмитриева», возможно, окажутся одними из редчайших «дневников рабочих», рассказывающих о советской эпохе на протяжении нескольких десятилетий. А. Дмитриев вел дневники более полувека с 1941 г., пока их не сдали в 2004 г. на хранение в архив. В военных дневниках А. Дмитриева много необычного, он пишет не только о войне, но и о досуге, работе, общении с друзьями. Много внимания он уделяет своим отношениям с девушками, подробно воспроизводит коллизии холостой жизни, завершившейся в конце 1943 г. вступлением в брак.

Вместе с тем этот дневник вряд ли можно считать свидетельством об эффективности работы сталинской машины пропаганды. Сразу отметим, что ожидание обнаружить в лице молодого рабочего А.И. Дмитриева какое-то подобие образу «сталинского рабочего», о котором пишет Й. Хелльбек, не оправдалось. Возможно, изменилась эпоха, может быть, на уральские заводы в начале войны пришло иное поколение советских людей, но А.И. Дмитриев не стремится конструировать свою идентичность из идеологического материала. Его интеграция в жизненный мир советского общества опирается на карьерные и потребительские стратегии поведения. Сталкиваясь с системой идеологии, он склонен давать ее элементам собственную интерпретацию: «На днях у Клавы мы хотим устроить пьянку. Пусть война! Пусть трудно жить! А мы будем брать от жизни все, что она может дать! Лешка достанет пива, Анька – вина, а Клава приготовит что-нибудь на закуску. Вот и будет пир в военное время» (ПермГАНИ. Дневник №5. Запись от 1 февраля 1944 г.).

Однако по своим социальным характеристикам А. Дмитриев выглядел успешным советским человеком. Он закончил семилетнюю советскую школу. По всей видимости, как и многие советские юноши и девушки, перед войной учился в аэроклубе. Получил профессиональное образование в техникуме, летом 1942 г. защитил дипломную работу на звание «Мастер социалистического труда» (ПермГАНИ. Дневник №3. Запись от 1 июля 1942 г.). Работал бригадиром, был комсоргом, вел активную общественную жизнь. Его ценило начальство, ему доверяли представители заказчика: «На работе мне в/преды (военпреды. – А.К.) очень доверяют и я сам принимаю моторы. Иногда даже боишься, а вдруг принять мотор и с ним чего-нибудь потом случится. Тогда и мне попадет и в/преду. Но "плохие моторы" я не принимаю» (ПермГАНИ. Дневник №4. Запись от 14 августа 1943 г.).

А. Дмитриев много читал, регулярно ходил в кино, любил посещать городские театры, занимался организацией досуга друзей, родителей: «Сегодня у меня были билеты на "Пиковую даму", но я сам не пошел, а послал мать с отцом» (ПермГАНИ. Дневник №3. Запись от 28 мая 1942 г.). Он был способен перейти на язык советской культуры в процессе рефлексии на личную тему: «Вчера ходил смотреть "Машеньку". Вот это, действительно, замечательная картина. И артисты хорошо играют и содержание хорошее. На что я уже очень безразличный человек и то переживал за Машу, когда она рассталась с Алексеем. Да, это у них была настоящая любовь. Вот такой любви я всегда и желаю при знакомстве с девушкой. Но у меня как-то это не получается. Вот так я с Зиной расстался» (ПермГАНИ. Дневник №3. Запись от 23 июня 1942 г.). Тем не менее содержание его записей не позволяет придавать этим заимствованиям характер культурной доминанты, определяющей жизненный мир и поведенческие практики как самого А. Дмитриева, так и его друзей, товарищей по работе и просто знакомых, о которых он упоминает в дневнике. Его «советскость» прагматична, что побуждает не обременять себя в структуре политических мобилизаций: «В цехе через несколько дней будут пере выборы бюро ВЛКСМ и я постараюсь избавиться от этой работы. Буду только рядовым комсомольцем» (ПермГАНИ. Дневник №4. Запись от 20 апреля 1943 г.).

Военные дневники А. Дмитриева – лишь часть его записок. Дневники за 1945–1955 гг. уже опубликованы и находятся в открытом доступе (Дневник рабочего, 2014). Автор не первый раз

обращается к этому уникальному источнику и свидетельству непростой эпохи [Кабацков, 2014, 2016]. В центре внимания настоящего исследования – образы войны, которые А. Дмитриев конструирует, транслирует и воспроизводит как элементы коллективной реальности. Восприятие войны в тылу отличалось от фронтового не только практикой действий, но и социальным содержанием, которое имело несколько измерений.

Тотальность коллективным переживаниям войны придавала близость смерти, которая стала затрагивать друзей и коллег: «Вчера мне сообщили, что от ран умер Ванька Бусырев. А все же эта война берет очень много жертв. Скоро ли она кончится?!» (ПермГАНИ. Дневник №3. Запись от 1 февраля 1943 г.). Казалось, что война находит свои жертвы не только на фронте, но и повсеместно: «Позавчера на работе произошло ужасное происшествие. На 25 б[алан]се убило винтом моториста Бушмелева А. Сразу же убило насмерть. Винтом ударило по голове. А парень был очень хороший, и не смотря на то, что он работал еще всего только три смены, он мне очень понравился. Но ничего не поделаешь, такая уж у нас работа» (ПермГАНИ. Дневник №4. Запись от 21 сентября 1943 г.). Война и ее репрезентации в образе смерти ставили под сомнение прежние практики жизни, делали проблемным физическое выживание в тех испытаниях, которые выпали людям, в том числе находившимся в тылу.

Масштаб события подчеркивался властным дискурсом, используемым в сводках Совинформбюро, передаваемых по радио или перепечатанных в газетах. В дневнике А. Дмитриева записи о событиях на войне, как правило, повторяют по формулировкам, стилю эти сводки: «На фронтах войны очень тяжелое положение. Немцы все ближе и ближе двигаются к Кавказу и Волге. Бои идет за Пятигорском и севернее Сталинграда. Правда на Западном и Калининском фронтах мы имеем успех, но это не решает дело на Южном фронте» (ПермГАНИ. Дневник №3. Запись от 28 августа 1942 г.). Под влиянием официальных сообщений им конструируется образ «Большой войны», доминирующий над повседневной жизнью. В этом он не одинок. Слухи, которые циркулируют в городской среде, также коррелировали с официальным канонам.

Летом 1943 г., спустя почти полгода после победной Сталинградской битвы, А. Дмитриев записывает в дневнике: «Немецкая авиация опять начала активно действовать. Немцы опять бомбят города: Горький, Ярославль, Саратов. И из неофициальных источников известно, что был налет на Киров и Глазов. Пожалуй, скоро надо будет ждать налета и сюда» (ПермГАНИ. Дневник №4. Запись от 18 июня 1943 г.). Киров и Глазов, как и Молотов, в годы войны – это глубокий тыл. Летом 1943 г. фронт находился за тысячи километров от указанных мест. Образ войны-катастрофы, которая непредсказуема по сути, нашел выражение в коллективном творчестве горожан, ощущающих опасность каждый день. Дело не в географических координатах театра военных действий. В основе восприятия войны жителями города Молотова лежит представление о грандиозности масштаба социальной катастрофы. Сводки Совинформбюро, на протяжении долгого времени содержавшие сообщения об авиационных налётах и захваченных врагом территориях, способствовали укоренению в сознании горожан коллективных представлений о масштабах угрозы «вражеских атак с воздуха». Личный опыт людей, которые, как и А. Дмитриев, сохранили впечатления о пережитых ими воздушных тревогах, наделял подобные слухи вполне реалистичным статусом: «Удалось мне там (в июне 1941 г. в Москве. – А.К.) пережить две воздушные тревоги. Правда они были искусственные, но и то было жутковато. Особенно, когда в раз раздавались выстрелы зениток, трескотня пулеметов и шум моторов самолетов. Только лишь не хватало, что бомбы не рвались» (ПермГАНИ. Дневник №4. Запись от 8 марта 1943 г.).

Трудно сказать, каким образом в коллективном сознании стереотип воздушной угрозы соединился с рудиментами воспоминаний предвоенных, когда «сталинские соколы» покоряли Северный полюс и совершали рекордные перелеты, т.е. демонстрировали миру мощь отечественной авиации. Под влиянием фобий и страхов военного времени вражеская авиация наделялась способностью преодолевать любые расстояния и вмешиваться в жизнь даже далеких от фронта территорий. Нарратив «вражеского вторжения», воспроизводимый в тылу, создавал фон для коллективного восприятия официальных репортажей о победах на фронтах еще долгое время.

Слухи дополняли официальный патриотический дискурс «Большой войны». Они

согласовывали данные сводок с повседневными ожиданиями людей. Поэтому услышав о попытке военного переворота в Германии, А. Дмитриев фиксирует в дневнике данную информацию по соседству с описанием личных отношений с женой, с передачей содержания разговоров и переписки с друзьями, родственниками: «В-четвертых, в Германии образовалось новое правительство, которое ведет пропаганду против Гитлера. И ходят слухи, что Гитлер будто бы уже арестован. Ну, так ему, собаке, и надо. Может быть, от этого скорее война закончится? На фронтах по-прежнему ведется очень большое наступление. Уже воюют в некоторых местах на чужой территории. Хорошо!» (ПермГАНИ. Дневник №5. Запись от 26 июля 1944 г.)

Судя по записям, изменившемуся стилю описания фронтовых и повседневных проблем, отказ от видения катастрофической картины мира наблюдается весной–летом 1944 г. Описание повседневных событий жизни утрачивает часть напряженности. Можно предположить, что за два года завершилось создание новой картины мира, формирование нового восприятия реальности военного времени, в которой «образы войны-катастрофы» сместились на периферию социальных представлений об окружающей действительности. И важную роль в данной трансформации играла «личная война» Александра Ивановича Дмитриева, которую он вел ежедневно за собственное существование и выживание. Попробуем реконструировать образы войны, которые влияли на ее восприятие рабочим оборонного завода г. Молотова.

Летом 1942 г. А. Дмитриев подробно описал «важное событие» на работе – он получил «стахановский обед»:

«Вчера поработал в цехе хорошо. Даже "стахановский обед" получил. А все же он может отличаться от такого обеда. Вчерашний обед в цехе у меня был такой:

1. Суп овсяный ----- 1 порц.
2. Каша пшенная ---- 1 порц.
3. Мороженное. ---- 200 гр
4. Молоко ---- 1 шт»

Далее выделены позиции 5–8. Надпись «Стахановский обед».

- «5. Суп из вермишели. --- 1 порц
6. Котлета мясная с кашей -- 1шт.
7. яйца куриные -- 2 шт.
8. Хлеб коммерческий. --- 100 гр.

Недурно было бы каждый день так обедать!» (ПермГАНИ. Дневник №3. Запись от 13 июня 1942 г.)

Стахановское движение – это символ довоенного времени, образ трудовых мобилизаций второй половины 1930-х гг. Обращение к довоенной системе понятий выглядит рудиментом «ушедшей эпохи». Тем не менее это не единственный пример воспроизводства прошлого политического дискурса. Будучи комсоргом, А. Дмитриев принимал участие в совещаниях руководства завода и партактива, о чем свидетельствуют записи: «Сегодня опять был на совещании у директора и парторга ЦК ВКП (б). Совещание прошло бурно. Все взяли на себя обязательство – закончить программу июня к 29/VI. Задача нелегкая, но выполнимая. Если это мы выполним, то завод займет 1-е место в соцсоревновании авиационных заводов. А это означает улучшение жизни и быта рабочих завода. Все-таки 1-я премия – 1000000 рублей. Надеюсь, что мы этого добьемся!» (ПермГАНИ. Дневник №3. Запись от 17 июня 1942 г.)

Слова, которыми А. Дмитриев пересказал в дневнике содержание совещания у начальства, определенно не из его повседневного языка. В довоенные годы в схожей стилистике было принято писать о производственной жизни в литературе соцреализма. Положительный герой советской литературы 1930-х гг. должен был излучать оптимизм, и А. Дмитриев примеривает на себя соответствующий образ, подражая героям прочитанных им книг. Игра в героя продолжается недолго. Война заставляет ощутить разрыв между повседневностью и литературной реальностью. Довоенная жизнь, производственные будни героев 1930-х гг., постепенно превращаются в воспоминание о счастливой и веселой жизни. О ней можно иногда вспоминать и даже заполнять дневник этими памятными переживаниями: «Продолжу писать свои "Воспоминания о веселых днях моей жизни", куда включу и свою жизнь в Москве летом 1941 г.» (ПермГАНИ. Дневник №3–№4. Записи с 14 февраля 1943 г. по 11 марта 1943 г.)

Июнь 1941 г. воспринимается границей между двумя реальностями. У А. Дмитриева беззаботное довоенное время описывается в терминах сытости, достатка продуктов, возможности свободно покупать вино и пиво. Ориентируясь на прошлое, черпая в нем оптимистические воспоминания, он невольно разрушает каноны соцреализма, превращает производственный роман в отчужденный текст, лишает его идеологической составляющей. «Стахановский обед» обладает простой, обыденной ценностью – он позволяет почувствовать себя сытым. И тем самым превращается в символ новой реальности, военной и дефицитной.

Дневник не позволяет узнать, кто именно ввел в обиход рабочих термин «стахановский обед». Возможно, это было неформальное обозначение поощрительного пайка. Хотя вполне возможно, что это полуофициальное наименование новой системы поддержки рабочих, когда на смену соцсоревнованиям и денежным премиям приходит натуральная система поощрения. В глазах А. Дмитриева именно такое поощрение олицетворяет его нужность, полезность и статусное признание в глазах начальства.

Простые и естественные мотиваторы демонстрируют упрощение системы производственных коммуникаций. Так, статус комсорга олицетворяет не только и не столько участие в совещаниях, а возможность получить статусное поощрение: «На днях я как комсорг получил 50 грамм табака, это где-то наш комсорг ЦК расстарался. Положил его в ящик, и до удобного случая пусть он там и лежит» (ПермГАНИ. Дневник №3. Запись от 1 июля 1942 г.). А. Дмитриев не курил, но табак можно было продать, обменять на продукты, талоны и другие необходимые для выживания ресурсы (ПермГАНИ. Дневник №3. Запись от 10 июля 1942 г.). Ради обладания дефицитом он готов преступить через норму и обычай: «В цехе дают по 100 г табаку и в этот раз даже я сумел получить. Хотя взял обманом. Но раз мне положено, то я его и взял» (ПермГАНИ. Дневник №3. Запись от 31 июля 1942 г.). Его товарищи по работе, цеховое начальство, без сомнения, были в курсе подобных хитростей. Вполне возможно, что они, как и А. Дмитриев, понимали, что порядок, прежде соединявший формальные нормы и неформальные обычаи в сеть социальных коммуникаций, на фоне голода и дефицита изменился.

Подчинение личностных суждений, оценок ситуационной морали говорит о наличии специфического пласта социального воображения, восприятия военной ситуации, который оказался востребованным в условиях «Большой войны». И. Нарский отмечал, что в условиях катастрофической реальности «многие специфичные модели группового поведения все больше вытеснялись простейшими, индивидуально, реже – коллективно разыгрываемыми импровизациями на тему физического выживания» [Нарский, 2001, с. 25–26.]. Образ «Большой войны», который А. Дмитриев конструирует из материалов официального дискурса, позволяет ему находить основания для оправдания поступков, которые ранее были бы им осуждены.

Ощувив границу между жизнью и смертью, А. Дмитриев начинает свою «приватную войну», в которой его победой становится личное выживание. Этой задаче он подчиняет собственную жизнь. Дмитриев не скрывал от читателей своего дневника ценности аттракторов, которыми руководствуется в новой ситуации. Более того, он стремится увязать их с официальным дискурсом власти и тем самым легитимировать свой стиль борьбы с врагом, представленным им в образе голода: «Тому, кто будет читать эти записки через несколько лет, может быть покажутся смешными записи о питании, но в настоящее время это основной вопрос жизни. Даже один из членов правительства сказал в своей речи: «Общественное питание – это подсобный цех на производстве» (М.И. Калинин) (ПермГАНИ. Дневник №3. Запись от 12 мая 1942 г.). Фамилию всесоюзного старосты Александр Иванович вписал под строкой, видимо, позже. Возможно, ему пришлось посмотреть в газете, кто произнес запомнившуюся ему фразу. Таким образом, он объединяет личное выживание и победу в войне.

Ситуационная мораль определяется А. Дмитриевым на основе личного опыта: «Вчера Д... опять заговорила со мной первая. Сунула мне пару омлетов без всяких талонов. Она меня уговаривала после войны ехать к ней на родину – на Украину. Я делаю вид, что согласен, но это мне не очень хочется» (ПермГАНИ. Дневник №3. Запись от 10 февраля 1943 г.). Но ее легитимность осмысливается в качестве коллективной нормы, повсеместно принятых и воспроизводимых образцов поведения: «Да, сегодня я понаблюдал эту "закулисную" жизнь в столовых. Едят все, кому сколько надо. В том числе и так называемые представители рабочего

контроля питаются там. А это для поваров лучше. Сытый "контроль" всегда ничего не замечает» (ПермГАНИ. Дневник №4. Запись от 11 апреля 1943 г.). Так формируется и закрепляется новое социальное представление о нормах «военного времени», которое делает допустимым нарушение прежних правил социального поведения.

В контексте «приватной войны» квалифицированный рабочий, каковым, без сомнения, был А. Дмитриев, получает возможность самостоятельно определять нормы производственного поведения: «В общем-то в этот день мы должны были работать, но работы не было и мы постарались уйти. Сережке дали увольнение, а у меня было старое разрешение и по нему я получил свой пропуск. В общем-то это незаконно, но "в военное время все средства хороши". Все это мне прошло безнаказанно» (ПермГАНИ. Дневник №3. Запись от 6 января 1943 г.). Допустимы стали поступки, которые даже сам А. Дмитриев трактовал как «нарушения закона»: «На работе я сейчас занимаюсь "крупными подделками" талонов на коммерческие обеды. И так хорошо их рисую от руки, даже нисколько не отличить от оригинала. Многие подумают что это нехорошо, но на это я найду такое возражение. А разве хорошо, когда в столовой обманывают рабочих выдавая им почти вдвое меньшую порцию. Нет! И в этом я ничего позорного не нахожу. А тем более в военное время» (ПермГАНИ. Дневник №4. Запись от 16 декабря 1943 г.). Ссылаясь на чрезвычайные обстоятельства, А. Дмитриев устанавливает собственные правила социальной жизни, подчиненной целям «выживания». Он присваивает себе право быть моральным и социальным интерпретатором ситуации, находя в войне источник оправдания отступлений от норм или законов.

Вместе с тем будет некорректно воспринимать образы «приватной войны» в качестве субъективного опыта, изолированного от социальной жизни других. На основе общности представлений о военном времени создаются новые социальные сети, возникают неформальные связи, позволяющие людям разрешать личные проблемы в контексте военной реальности.

К концу 1943 г. А. Дмитриев демонстрировал уверенность в своих навыках выживания. Его умеренно беспокоила возможность утратить доступ к нелегальному снабжению на заводе: «В цехе питаюсь сверхнормально. То Вера даст талонов на коммерческие обеды, то у нас в ОТК, а частенько Катя подбрасывает натурой. Пожалуй, как я только поженюсь на Зине, и они об этом узнают, я лишусь всего. Но это неважно, Зина мне дороже» (ПермГАНИ. Дневник №4. Запись от 20 октября 1943 г.). Относительное спокойствие, с которым А. Дмитриев на рубеже 1943 и 1944 гг. начинал смотреть в будущее, объяснялось нахождением новых возможностей в системе неформального распределения продуктов и товаров. Ощущение стабильности и собственной успешности закрепила свадьба, символизирующая для него новый порядок отношений с родителями, друзьями и обновленные ориентиры самореализации. Вспоминая прошлую жизнь, он осуждал транжирство, которое позволял себе в прежние времена: «Правда, я раньше был очень глуп, и когда получал большие деньги, то ничего на себя не купил, а все их пропивал, да на театры и кино тратил. И при этом вся компания, с которой я дружил, всегда пользовалась моей добротой и везде ходила на "мой счет"» (ПермГАНИ. Дневник №4. Запись от 20 декабря 1943 г.). Впрочем, именно общительность, активность в налаживании знакомств позволили ему ощутить «новую солидарность» и найти свое место в сети неформальных обменов.

Весной 1944 г., рассказывая о собственных достижениях, А. Дмитриев как что-то будничное описывал свою коммерческую активность: «"Толкучий рынок" перевели к нам на площадь, и я сейчас частенько там отираюсь. Комбинирую с хлебом. Беру талончики, а продаю хлеб. Кое-что от этого мне остается. А иначе сейчас не проживешь» (ПермГАНИ. Дневник №5. Запись от 4 мая 1944 г.). Он усвоил правила жизни «по военному» и получил регулярные подтверждения собственной успешности: «Чтобы достать денег, я продал свою хлебную карточку и случайно встретился на рынке с одной знакомой девахой Зиной М...вой. Она мне мою вторую карточку на 2 кг отоварила до конца декады в столовой мединститута, где она работает официанткой. Я ту буханку хлеба "продал" за 350 руб. и купил себе новые хлебные карточки. В общем, в этот день я "заработал" около 170 руб. за какие-нибудь 1,5 часа. Дал ей эти карточки снова отovarить, но вот все еще не могу получить от нее хлеб, так как с 15/IV по 18/IV был в деревне, а сегодня она не думала, что я приду, и хлеб мне не приготовила. А мне

сейчас очень надо деньги – надо патефон из ремонта выкупить, да и еще, пожалуй, хлебную карточку на III-ю декаду купить (ПермГАНИ. Дневник №5. Запись от 19 апреля 1944 г.).

Специфика дневниковых записей в том, что их автор выстраивает повествование вокруг собственной персоны. А. Дмитриев не был исключением. Не будем переоценивать его социальные достижения, они были бы невозможны вне социального контекста, в котором каждый участник вел свою «приватную войну» за выживание в непростое время. Союзы, которые А. Дмитриев заключал в процессе добычи ресурсов для выживания, позволяли ему почувствовать солидарность с людьми, ведущими такую же личную борьбу за выживание. «Сегодня притащил домой магнето: одно – БСМ-9 и одно БСМ-14. Сейчас еще надо будет только колодки и свечи с угольниками. Это дело я обделал совершенно с другим человеком, т.е. не с тем, с которым договорился раньше» (ПермГАНИ. Дневник №5. Запись от 23 мая 1944 г.). Социальный опыт, накопленный им в общении обогащенный рефлексией, следы которой есть в дневнике, давал ему возможность чутко реагировать на изменения в социальном порядке и определять порядок личной войны, той, где он был способен действовать, и той, где приходилось одерживать малые победы.

Трансформация социальных представлений Дмитриева вряд ли привела к фундаментальной перестройке его личности, так как нарочитое использование в описании своих коммерческих успехов слов «мешочник», «спекулянт», попытки оправдаться в «спекуляции», которые он делает на страницах дневника, свидетельствуют о рефлексивном отношении к ситуационным решениям, стремлении найти границы, отделяющие допустимое от осуждаемого. А. Дмитриев знает, что нарушение этих неформальных границ может привести к социальному осуждению, к статусной деградации. Он демонстрирует опыт распознавания асоциального поведения на примере сестры: «Верка наша совсем что-то начала опускаться. Начала заниматься кражами, пьет, курит, ругается. Дома не ночует. Часто попадает в милицию. В общем, из нее получается настоящая "уличная девчонка". И ничто на нее не действует. Черт знает, в кого она такая уродилась» (ПермГАНИ. Дневник №4. Запись от 6 марта 1943 г.). Милиция, как институт властной оценки поведенческих стратегий, символизирует в его мире реакцию на «свободное поведение». Пьянство и курение дополняют объективную картину, усиливая вину того, кто не смог найти правильный путь в жизни.

В мире А. Дмитриева спиртное и пьянство не осуждались сами по себе. Напротив, доступ к крепким напиткам – это показатель высокого статуса индивида. В дневнике есть подробное описание того, как Тамару К. подвергли санкциям за нарушение обещания достать спирт для вечеринки, а он сам прибегал к ухищрениям, чтобы в компанию со спиртным попали только те, кто, по его мнению, заслужил это право (ПермГАНИ. Дневник №3. Запись от 5 октября 1942 г.). Ситуации с распитием алкогольных напитков определялись им и его товарищами по работе, по заводскому поселку как коллективный или личный «праздник».

«Хоть немного, да буду пьян!» – пафосно пишет А. Дмитриев в ожидании выходного, когда заимствованный на заводе спирт можно будет приватно использовать (ПермГАНИ. Дневник №3. Запись от 21 июля 1942 г.). Состояние опьянения – это один из легитимных мотивов самооправдания за ситуационное нарушение правил, норм, который воспроизводился в рабочей среде: «Вчера спал у Д. ... Выпил у нее стакан разведенного спирта, и так это было приятно. Немного было неудобно то, что сестра у нее была дома, но пьяному мне было все равно» (ПермГАНИ. Дневник №4. Запись от 11 марта 1943 г.).

И тем показательнее морализаторская критика сестры не только за само пьянство и кражи, а за открывшиеся последствия: «Дома не ночует. Часто попадает в милицию». Так у пьянства появляется социальная изнанка, меняющая человека, который «катится вниз, по-наклонной» и постепенно утрачивает социальный статус. Уничижительно называя сестру «уличной девкой», А. Дмитриев, с одной стороны, демонстрирует собственную приверженность моральным нормам поселкового сообщества, с другой стороны, конструирует социальные границы, которые нельзя никому переходить, даже близким людям.

Военные записи А. Дмитриева показывают, как производственный быт и городская повседневность в годы войны обрели подвижность. Властный дискурс наделил военное время статусом катастрофы. Непредсказуемость войны воплотилась в трагических событиях. Физическое выживание приобрело статус высшей ценности. Пограничные переживания людей,

ощутивших хрупкость преграды, отделяющей жизнь от смерти, стимулировали индивидуализированные стратегии выживания.

В отличие от ситуации 1917–1922 гг., которую И. Нарский описывал в терминах «жизни в катастрофе» [Нарский, 2001], повседневность, в которой существовал А. Дмитриев и его товарищи сохраняла институциональное ядро. Им являлся производственный институт, созданный советским государством в довоенный период. Завод сыграл большую роль в жизни А. Дмитриева и его товарищей в 1941–1945 гг., так как не только сохранил, но и упрочил свою институциональную роль в тяжелые годы, став специфическим социальным, территориальным и производственным анклавом в структуре народного хозяйства.

Магнето, которое А. Дмитриев в 1944 г. вез в деревню знакомому через родственников председателю местного колхоза, чтобы тот передал деталь в МТС и обменял ее на муку, было добыто им на заводе: «Вчера на работе мне вдруг сказали, что ко мне звонили из 35-го цеха и сказали, чтоб я быстрее туда зашел. <...> Ему меня надо было насчет магнето. Но было уже много времени, и я дал ему только одну штуку. Хотем их на муку сменять в М.Т.С. Не знаю, что выйдет ли? Вообще-то это рискованная штука. А за одно магнето нам пообещали полпуда муки. Ну, увидим, что дальше будет!» (ПермГАНИ. Дневник №5. Запись от 12 марта 1944 г.). Уверенность, с которой А. Дмитриев идет на рискованные коммерческие сделки с талонами, объясняется наличием «заводской брони», которая защищает в случае внезапной облавы, и дополнительным питанием, которое он получил в заводской диетстоловой благодаря справке врача, данной ему в связи с больным глазом.

Завод организует жизненные ритмы А. Дмитриева, побуждая его постоянно сверять свою социальную активность с нормативными отношениями в цехе. В заводском мире с его организованными, иерархически и функционально структурированными социальными связями А. Дмитриев приобретал умение «договариваться», превращать прогул смены на режимном предприятии в частный проступок: «... На работе на меня напустился старший по смене. Он криком ругал меня за прогул» (ПермГАНИ. Дневник №4. Запись от 22 июня 1943 г.). Сославшись на поездку в деревню, по всей видимости, объяснив ее необходимостью добыть продукты, и молча выслушав ругань начальства, А. Дмитриев избежал наказаний.

Солидарность квалифицированного рабочего, способного решать нетривиальные задачи ремонта и проверки двигателей, с ответственным за соблюдение порядка в цехе на оборонном предприятии была частью общей солидарности перед лицом войны. Начальство в цехе не стремилось прибегать к репрессиям, так как квалифицированного специалиста нечем было заменить, а за выполнение плана спрашивали с руководителей. Рабочие в цехах, пользуясь случаями, одомашнивали производство, приватизируя заводские ресурсы и создавая сети обмена ими.

За пределами проходной заводской мир продолжал свое воспроизводство в зависимых от предприятия форматах организации жизни. Индивидуальный распорядок дня, недели определялся во многом ритмами жизни заводского коллектива. А. Дмитриев неоднократно отмечал воздействие заводских порядков на собственные планы. Более того, он пытается организовать свою повседневную жизнь в зависимости от изменения режима труда.

«Я себе примерно составлю такой режим дня и буду его всегда придерживать. Это, когда буду работать в утреннюю смену.

С 6 50 час. – до 7 10 час. – подъем, умывание, одевание.

С 7 10 час. – до 8 00 час. – ходьба на работу в завод.

С 8 00 час. – до 16 00 час. – работа на заводе (считая обед).

С 16 00 час. – до 17 30 час. – ужин в диетстоловой.

С 17 30 час. – до 18 30 час. – ходьба домой.

С 18 30 ч. – до 19 00 ч. – умывание, переодевание.

С 19 00 ч. – до 19 30 час. – домашний обед.

С 19 30 час. – до 12 00 час. ночи – домашняя работа или посещение кино, театра, клуба и

т.д.

С 12 00 час. ночи до 6 50 час. утра – сон» (ПермГАНИ. Дневник №5. Запись от 1 февраля 1944 г.).

За годы войны регламент заводской работы менялся несколько раз. От одиннадцатичасового рабочего дня переходили на смены по двенадцать часов. В середине 1943 г. активно обсуждался новый вариант трудовой недели: «На работе скоро изменится вся структура работы. Есть два варианта – или работать по 12 час. с выходными днями, или по 8 час. без выходных. Мы все за последний вариант. Есть надежда, что с 1 июля мы будем работать по 8 часов». В 1944 г. восьмичасовой рабочий день еще не раз сменит иной распорядок. И все это, не считая неформальных договоренностей, когда приходилось работать по две смены подряд в случае, если сменщик по какой-то причине не пришел.

А. Дмитриев не создавал социальные сети на заводе, он встраивался в них, постепенно находя собственную нишу и обретая социальный опыт. «На днях поеду за рыбой к своему мотористу в В. Муллы. У него есть бредень и мы хотим с ним хотя бы на уху поймать» (ПермГАНИ. Дневник №3. Запись от 1 августа 1942 г.). Возможно, вначале ему помогал официальный статус бригадира и комсорга, позволивший стать стороной, с которой стремятся «договориться». Важно другое, социальные представления Дмитриева о социализме, социальном порядке и нормах коллективного общежития оказались гибкими. Откликнувшись на военную мобилизацию власти, как ранее откликался на социальные мобилизации в школе и училище, он оказался способен привнести в «реальность военного времени» личные качества и способности, сделать их фундаментом войны на индивидуальном фронте и на этой основе добросовестно выполнять свою профессиональную роль в системе испытания авиадвигателей.

Подведем итоги. Война вызвала масштабные потрясения в жизни советских людей. В глубоком тылу люди вели личные войны за выживание. Большой политический нарратив побуждал советских людей принять в качестве данности катастрофическую реальность войны, в которой на грани выживания оказалась не только институциональная система социализма, но и непосредственно жизнь людей, ставших горожанами. Скупые цифры эвакуации лишь намекают на масштабы социальной катастрофы, в которой людям приходилось конструировать «жизнь по новому». «В течение 6 месяцев (июль 1941 – январь 1942) совету по эвакуации, учрежденному спустя 2 дня после нападения Германии, удалось в ходе титанических по масштабам и сложности операциям перевести на восток 1500 крупных промышленных предприятий. К концу 1942 года 2600 заводов были эвакуированы, в основном на Урал, в Сибирь, Казахстан, где они были смонтированы вновь и переведены на выпуск военной продукции» [Верм, 2010, с. 317].

А. Дмитриев не был эвакуированным работником завода. Он являлся коренным жителем г. Молотова. Его военные дневники позволяют взглянуть на переломный момент войны с позиции обычного человека, получившего хорошее профессиональное образование перед самой войной. В своей производственной деятельности он сталкивался с эвакуированными работниками, выстраивал отношения с товарищами в цеху и заводе, как член производственного коллектива стремился квалифицированно решать производственные задачи. Откровенные и подробные записи Дмитриева дают возможность реконструировать личностный пласт социальных реакций на войну, увидеть трансформацию социальных представлений о правилах коллективного существования, о целях и задачах профессиональной деятельности. В этом качестве он типичный горожанин, который в непростых условиях решал сложную задачу выживания, от успешного решения которой зависело снабжение фронта военной техникой и боеприпасами. Без сомнения, А. Дмитриев чутко воспринимал не только повседневные тяготы войны, он разделял с окружавшими его людьми стремление победить в этой войне. Решения, которые приходилось принимать ему повседневно на рабочем месте и в частной жизни, оказались сложны и нетривиальны. Его дневник позволяет прояснить, каким образом коллективный опыт выживания мог быть согласован со сложной иерархией образов войны, позволив людям и власти успешно решить мобилизационные задачи.

В дневниках обнаруживается двойственность социальной природы их автора. Это советский человек, освоивший «большевистский язык» [Коткин, 2001, с.295], примеривший высокий идеологический статус рабочего, разделявший с партийными пропагандистами представление о «большом мире», принявший идею Отечественной войны. В то же время его социальные практики расходятся с общеинституциональными, официально нормативными. Он приспособливается, лукавит, крадет по мелочам, нарушает дисциплину и пр. В этих практиках

проступают черты жителя рабочей слободы, далекого от социалистической идеологии. Равнодушие к словам, инстинктивное отчуждение от официальных правил и норм и позволило ему примирить в себе два мира: большой советский и малый партикулярный, сохранив свое «Я».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Дневник рабочего [III.1946 – XII.1955]. Документальная публикация. ПермГАНИ, 2014. URL: <https://www.permgani.ru/diary/index.html> (дата обращения: 11.07.2016).

ПермГАНИ. Ф. 6330. Оп. Д. 11. Дневник №3. Записки о жизни Дмитриева Ал-дра. Год 1942 май – год 1943 февраль; Дневник №4. Записки о жизни Дмитриева Ал-дра. Год 1943 февраль – год 1944 январь; Оп. Д. 12. Дневник №5. Записки о жизни Дмитриева Ал-дра. Год 1944 февраль – год 1944 июль.

«Прожито». Электронный корпус личных дневников XX в. URL: <http://prozhito.org/> (дата обращения: 11.07.2016).

Библиографический список

Будницкий О. Военный дневник лейтенанта Владимира Гельфанда. // Радиостанция «Эхо Москвы» 10.01.2015. URL: <http://echo.msk.ru/programs/victory/1470332-echo/> (дата обращения: 11.07.2016).

Быкова С.И. Дневники 1930-х годов: terra sovietica incognita // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург: АсПУр, 2014.

Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010.

Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история: сб. статей / пер. с ит. и послесл. С.Л. Козлова. М.: Новое изд-во, 2003.

История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург: АсПУр, 2014.

Кобацков А.Н. Жизненный мир советского рабочего в позднюю сталинскую эпоху (по дневнику А. Дмитриева. 1946 – 1953) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945 – 1953 гг. Матер. VII междунар. науч. конф. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: Политическая энциклопедия, 2015.

Кобацков А.Н. Жизненный мир советского рабочего в позднюю сталинскую эпоху (по дневнику А. Дмитриева. 1946 – 1953): Социальная среда послевоенного города и «обжитые» советские пространства: версия к размышлению. URL: <http://gefeter.ru/archive/18795> (дата обращения: 11.07.2016).

Кизиров И. Когда Сталин приходил во сне // Информационный портал «Радио Свобода» Svoboda.org. 03.11.2015. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/27340652.html> (дата обращения: 11.07.2016).

Каспэ И. М. Когда говорят вещи: документ и документность в русской литературе 2000-х: Препринт. М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2010.

Козлова Н. Советские люди: Сцены из истории. М.: Европа. 2005.

Коткин С. Говорить по-большевистски (из книги «Магнитная гора. Большевизм как цивилизация» // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2001.

Лейбович О.Л. Дом о трех этажах, или как изучать повседневность поздней сталинской эпохи // Астафьевские чтения (ноябрь 2008). Время «веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России. Пермь, 2009.

Нарский И. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001.

Суржикова Н. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург: АсПУр, 2014.

Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство?: сб. статей / под ред. И.М. Каспэ. М.: Нов. лит. обозрение, 2013.

Тесля А. Хроника последних лет Императорского Московского университета // Социол. обозрение. 2016. Т. 15, №2.

Хельбек Й. Повседневная идеология: жизнь при сталинизме // Неприкосновенный запас. 2010. №4 (72). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/he2.html> (дата обращения: 11.07.2016).

Дата поступления рукописи в редакцию 29.05.2016

IMAGES OF WAR ACCORDING TO THE DIARIES OF ALEXANDER DMITRIEV, 1942–1944

A. N. Kabatskov

National Research University “Higher School of Economics”, Studencheskaya str., 38, 614046, Perm, Russia
afsnik@gmail.com

The paper reconstructs social images of the Great Patriotic War of 1941-1945 on the basis of “the war diaries” of Alexander Dmitriev (1918-2005) who was a worker of the Stalin aircraft engine plant № 19 in Molotov in 1941-1945. The author highlights the issue of heuristic potential of ego-documents on the basis of phenomenological tradition of studying everyday life (A. Schutz, P. Berger, and T. Lukman) with using Carlo Ginsburg's method of interpreting “evidences”. The author considers Dmitriev's diaries as a special “historical evidence” that gives an opportunity to look at the reality of war through the eyes of workers. The author proves that the power discourse of the war as a catastrophe that defined the emergency order of life, was privatized by the worker Dmitriev and was subordinate to an individualized strategy of “survival”. For a description of the individualized set of rules and social order of actions, the author introduces the category of a “private war”. In the analysis of Dmitriev's deviant behavior, one may find the collective nature of conducting a “private war” by the workers. Dmitriev and his colleagues adapted to wartime, constantly breaking the rules and regulations. The observed differences between the official and private spheres of rules and regulations allow to speak about the new strategies for implementing their own “self” constructed by the Soviet workers that have become an alternative to the official self-identity system during the war.

Key words: ego-documents, ideology and Stalinism, the Soviet socialization, the war “behind the lines”, workers, “private war”, social deviation, plant, urban culture.

References

- «Prozhito». Elektronnyy korpus lichnykh dnevnikov XX v. URL: <http://prozhito.org/>.
- Budnitskiy O.* Voennyi dnevnik leytenanta Vladimira Gel'fanda. // Radiostantsiya «Ekho Moskvy» 10.01.2015. URL: <http://echo.msk.ru/programs/victory/1470332-echo/>.
- Bykova S.I.* Dnevniky 1930-kh godov: terra sovietica incognita // Istoriya v ego-dokumentakh: issledovaniya i istochniki. Ekaterinburg: AsPUr, 2014.
- Dnevnik rabochego [III.1946 – XII.1955]. Dokumental'naya publikatsiya. PermGANI, 2014. URL: <https://www.permgani.ru/diary/index.html>.
- Ginzburg K.* Mify – emblemy – primety: Morfologiya i istoriya: sb. statey / per. s it. i poslesl. S.L. Kozlova. M.: Novoe izd-vo, 2003.
- Istoriya v ego-dokumentakh: issledovaniya i istochniki. Ekaterinburg: AsPUr, 2014.
- Kabatskov A.N.* Zhiznenny mir sovetskogo rabochego v pozdnyuyu stalinskuyu epokhu (po dnevniku A. Dmitrieva. 1946 – 1953) // Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945 – 1953 gg. Mater. VII mezhdunar. nauch. konf. Tver', 4–6 dekabrya 2014 g. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015.
- Kabatskov A.N.* Zhiznenny mir sovetskogo rabochego v pozdnyuyu stalinskuyu epokhu (po dnevniku A. Dmitrieva. 1946 – 1953): Sotsial'naya sreda poslevoennogo goroda i «obzhitye» sovetskie prostranstva: versiya k razmyshleniyu. URL: <http://gefeter.ru/archive/18795>.
- Kaspe I. M.* Kogda govoryat veshchi: dokument i dokumentnost' v russkoy literature 2000-kh: Preprint. M.: Izd. dom «Vysshay shkoly ekonomiki», 2010.
- Khell'bek Y.* Povsednevnyaya ideologiya: zhizn' pri stalinizme // Neprikosnovennyi zapas. 2010. №4 (72). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/he2.html>.
- Kizirov I.* Kogda Stalin prikhodil vo sne // Informatsionnyy portal «Radio Svoboda» Svoboda.org. 03.11.2015. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/27340652.html>.
- Kotkin S.* Govorit' po-bol'shevistski (iz knigi «Magnitnaya gora. Bol'shevizm kak tsivilizatsiya» // Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednykh let. Sovetskiy period: Antologiya. Samara: Izd-vo Samar. un-ta, 2001.
- Kozlova N.* Sovetskie lyudi: Stseny iz istorii. M.: Evropa. 2005.
- Leybovich O.L.* Dom o trekh etazhakh, ili kak izuchat' povsednevnost' pozdney stalinskoy epokhi // Astaf'evskie chteniya (noyabr' 2008). Vremya «veselogo soldata»: tsennosti poslevoennogo obshchestva i ikh osmyslenie v sovremennoy Rossii. Perm', 2009.
- Narskiy I.* Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917 – 1922 gg. M.: ROSSPEN, 2001.
- PermGANI. F. 6330. Op. D. 11. Dnevnik №3. Zapiski o zhizni Dmitrieva Al-dra. God 1942 may – god 1943 fevral'; Dnevnik №4. Zapiski o zhizni Dmitrieva Al-dra. God 1943 fevral' – god 1944 yanvar'; Op. D. 12.

Dnevnik №5. Zapiski o zhizni Dmitrieva Al-dra. God 1944 fevral' – god 1944 iyul'.

Status dokumenta: Okonchatel'naya bumazhka ili otchuzhdennoe svidetel'stvo?: sb. statey / pod red. I.M. Kaspе. M.: Nov. lit. obozrenie, 2013.

Surzhikova N. Ego-dokumenty: intellektual'naya moda ili osoznannaya neobkhdimost'? // Istoriya v ego-dokumentakh: issledovaniya i istochniki. Ekaterinburg: AsPUr, 2014.

Teslya A. Khronika poslednikh let Imperatorskogo Moskovskogo universiteta // Sotsiol. obozrenie. 2016. T. 15, №2.

Vert N. Terror i besporyadok. Stalinizm kak sistema. M.: ROSSPEN, 2010.